

АЛЛА МСТИСЛАВОВНА АРХАНГЕЛЬСКАЯ*

Собака как «нечистое» животное
в традиционной народной культуре и языке¹

ARKHANHELKA, A.: The Dog as an Unclean Animal in the Traditional Folk Culture and Language. *Slavica Slovaca*, 55, 2020, No 1, pp. 110-122 (Bratislava).

The paper deals with the mythological-symbolic representations of the dog as an unclean animal in the traditional Slavic folk culture, folklore and Christian tradition as well as their verbal depiction in three Slavic languages: Russian, Ukrainian and Czech. The analysis was based on the variable verbal formulas (charms, spells, curses, etc.), phraseological units and proverbs containing indicators of various demonic, supernatural, sacred properties of a dog and the mythological-ritual comprehension of this animal in the traditional folk culture, folk art and Christianity. The comparative aspect of the analysis is supplemented by the linguocultural and historical-etymological comment.

The opposition *clean-unclean*, dog, traditional folk culture, folk tradition, Christian mythology, symbolism, verbal image of the dog.

Факт включенности мифологических представлений славян во все сферы бытовой и обрядовой жизни традиционного общества сегодня продолжает оставаться чрезвычайно популярным объектом исследования среди специалистов в области лексикологии и фразеологии, лингвокультурологии, этнолингвистики, фольклористики. Особое место в системе архаических представлений человека о мире и своем бытии в нем занимают животные и их культурная семантика.² И это вполне объяснимо, ведь в антропоцентричном видении мира качества человека «накладываются» на образ животного, сопоставляются с ним, что и объясняет множество устойчивых языковых формул, метафор, образных сравнений, фразеологизмов, паремий, включающих в свой состав зоонимы, обладающие как интеркультурной, так и национально-культурной символикой и коннотациями. При этом многие из языковых воплощений зооморфных образов несут на себе отпечатки древнейших представлений архаического сознания о мироздании, о естественном и сверхъестественном, о месте животного в национально-культурном ландшафте, в создании таких образов вовлекаются иные объекты, наделенные особым мифологическим и магическим смыслом.

Противопоставление *чистый – нечистый* принадлежит к ряду архетипических оппозиций, с помощью которых архаичное сознание познавало и осваивало мир с точки зрения *божественного – земного, полезного – вредного vs. вредоносного, своего – чужого, человеческого – нечеловеческого, безопасного – опасного, благоприятного – неблагоприятного* и т. п., поскольку во времена язычества человек не оперировал понятиями *добро* и *зло* в современном их понимании, так же, как и понятиями *рай* и *ад*, которые сформировались значительно позже, с принятием христианства.³ Признак *чистый* в традиционной культуре славян имел как физическое, так и духовно-религиозное и социальное измерение и получал в народной традиции безусловно положительную оценку, сближаясь, кроме прочего, со *своим, человеческим, освоенным, божественным, безопасным* и противопоставлялся *чужому, нечеловеческому, неосвоенному, демоническому, опасному*. Представление о чистоте – нечистоте относилось к человеку, антропоконструктному объекту, растению, животному, времени, месту, пространству

* Архангельская Алла Мстиславовна, доктор филологических наук, профессор кафедры славистики философского факультета Университета им. Ф. Палацкого в Оломоуце, ул. Крижковского, 8, Оломоуц, 77900, Чешская Республика, alla.arkhanhelska@upol.cz

¹ Zpracování a vydání publikace bylo umožněno díky účelové podpoře na specifický vysokoškolský výzkum udělené Ministerstvem školství, mládeže a tělovýchovy ČR Univerzitě Palackého v Olomouci (IGA_FF_2020_013).

² Гура, А. В.: Символика животных в славянской народной традиции. Москва: Индрик, 1997. 910 с.

³ Славянская мифология: Энциклопедический словарь. 2-е изд. Москва: Международные отношения, 2002, с. 440.

и т.д. Деление животных на чистых и нечистых⁴ могло быть обусловлено их происхождением (от Бога, от человека, от дьявола), рождением (рождаются слепыми или зрячими), употреблением – не употреблением в пищу, пользой для человека, сходством с «гадами» и т. п. Чистыми в славянской народной традиции считались *медведь, пчела, божья коровка, голубь, ласточка, аист* и др., нечистыми – *волк (собака как животное, генетически родственное и символически близкое волку), заяц, змея, мышь, филин, ворон, ястреб, сорока, угорь* и др. Чистота – нечистота животных определялись также их отношениями с нечистой силой. Считалось, что чистого животного нечистая сила боится и не может принять его облик, в нечистого животного она легко вселяется и в него же перевоплощается.⁵

В центре внимания данной статьи – образ собаки (пса) как «нечистого» животного в традиционной народной культуре и языке. Это животное имеет не только в славянских культурах один из наиболее ярких мифо-символических ореолов. Тем не менее в авторитетном издании «Славянские древности» (1995–2012) собака рассматривается главным образом в противопоставлении с волком и кошкой, а о ее нечистых характеристиках упоминается лишь фрагментарно.⁶ Без преувеличения богатейшая славянская «зоонимная» идиоматика, фразеология и паремология не отражает всего многообразия представлений о нечистых животных вообще и собаке в частности. Возможно, это стало одной из причин того, что в многочисленных работах, посвященных собаке и ее языковому образу в пространстве культуры, мифологическая (в том числе и «нечистая») ее ипостась оказывается на периферии исследовательских интересов.⁷ Понятно, что со временем исконное мифо-ритуальное и символическое значение слова, выражения, магической формулы терялось, традиционные народные представления, верования, архетипы, выступающие в качестве мотивировок, стирались, становились недоступными сознанию современного человека и оставалась странная, на первый взгляд лишенная смысла языковая формула. Такая судьба постигла многие языковые единицы, содержащие представления о собаке как «нечистом» животном, что объясняет проблематичность ощущения не только носителями языка, но и фразеологами и паремологами их мифо-символического фона и сложность его идентификации.⁸

⁴ В словаре «Славянские древности» (Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти тт. / Под общей ред. Н. И. Толстого. Москва: Международные отношения, 2012. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица)) определены понятия предлагаются с учетом их синкретизма в дохристианской и христианской культурной традиции.

⁵ Валенцова, М. М.: Чистый. In Славянские древности: Этнолингвистический словарь, с. д., с. 550.

⁶ Гура, А. В.: Собака. In Славянские древности: Этнолингвистический словарь, с. д., с. 93-95.

⁷ Bystrický, P.: Pes v mytológii, náboženstve a folklóre. Bratislava: Veda, 2015. 416 s.; Raclavská, J.: Srovnávací studium české a polské frazeologie – na příkladu lexému pes. In Česká polonistická studia: tradice a současnost (filologie – historie – politologie – právo). 1. vyd. Praha: Historický ústav AV ČR, 2014. s. 70-76; Raclavská, J. a kol.: Pes v jazyce a myšlení. Sonda do slovanské frazeologie a idiomatiky. Ostrava: Ostravská univerzita, 2015. 246 s.; Бектемирова, С. Б.: Образ собаки в тюркской и славянской культурах. In Вербицкая, Л. А. и др. (eds.): Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13-20 сентября 2015 года) в 15 т. Санкт-Петербург: МАПРЯЛ, 2015, т. 6, с. 55-60; Белякова, С. М.: Собака в диалектном и литературном дискурсе. In Язык в пространстве речевых культур: к 80-летию В.Е. Гольдина. Москва – Саратов, 2015, с. 12-21; Добролюбова, Г. М.: Образна парадигма фразеологізмів з компонентом «собака». In Вісник Житомирського державного університету ім. Івана Франка, 2004, № 14, с. 223-227; Мушинская, В. В.: Паремии с компонентом-зоонимом пес (собака): лингвокультурологический комментарий (на материале сборника И. Франко «Галицько-руські народні приповідки»). In Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018, № 11 (1), с. 135-140; Кудрявцева, Е. В.: Фразеологизмы с компонентом-зоонимом собака: лингвокультурологический комментарий. In Вестник Костромского университета, 2015б № 2, с. 131-134; Леонтьева, Т. В.: Идиома собаку съест: семантико-мотивационная реконструкция. In Вестник Томского университета, 2017, № 422, с. 17-25; Маругина, Н. И.: Концепт «собака» как элемент русской языковой картины мира. In Язык и культура. Научный периодический журнал, 2009, № 2 (6), с. 11-30; Никитина, А. Х. – Синельникова, А. П.: Фразеологизмы с компонентом собака / пес в современном русском языке как отражение мифологических представлений славян: Электронное издание. Русский язык. Филологический аспект, № 4 (36), апрель 2018. Режим доступа: <http://scipress.ru/philology/articles/frazeologizmy-s-komponentom-sobaka/pyos-v-sovremennom-russkom-yazyke-kak-otrazhenie-mifologicheskikh-predstavlenij-slavyan.html> [09.06.2020]

⁸ К примеру, в монографическом исследовании И. Чибор, посвященном отражению славянской мифологии в украинской фразеологии, вопрос о собаке как нечистом животном остался практически вне зоны внимания автора: среди богатейшего фактического материала, представленного в работе, лишь одна единица лемк. до песьої години объяснена со ссылкой на нечистые характеристики собаки (пса): см. Чибор І.: Слов'янська міфологія в українській фразеології. Київ: Видавель Олег Філок, 2016, с. 62.

Материалом исследования послужили устойчивые словесные формулы (заговоры, заклинания, зложелания, в том числе и проклятия, божба), метафоры, идиомы, фразеологизмы и паремии трех славянских языков – русского, украинского и чешского,⁹ обнаруживающие следы представлений о «нечистых» и свойствах собаки в народной культуре и христианстве. Учитывая концептуальные различия представлений о нечистоте собаки (пса) в традиционной народной культуре и христианской традиции, попытаемся проследить их взаимодействие и воссоздать культурно-языковой образ собаки как «нечистого» животного в системе устойчивых словесных формул, идиом, метафор, фразеологизмов и паремий русского, украинского и чешского языков.

Языковой образ собаки (пса) в традиционной народной культуре. В значительной части языковых единиц русского, чешского и украинского языков более или менее отчетливо проступают следы традиционных амбивалентных представлений о собаке и ее сверхъестественных способностях. Здесь актуализируются главным образом принадлежность к нечеловеческому миру, приписываемая собаке архаичным мышлением связь с нечистой силой и чертом, но вместе с тем и полезные для человека охраняемые, лечебные свойства животного, способность предугадывать грядущие события. В образе собаки в традиционной культуре были важны ее «отмеченность» при рождении, некоторые внешние признаки и звуки, издаваемые собакой (лай, вой). Существенной для идентификации «нечистых» «собачьих» контекстов, как и для других объектов осмысления в традиционной народной культуре, оказывается левая сторона архетипических противопоставлений (нечистый – чистый, левый – правый, чужой – свой, кривой – прямой и др.), «чистые» и «нечистые» нумеральные, темпоральные и локальные атрибуты.

В традиционной народной культуре считалось, что способность видеть и отпугивать нечисть у собаки тем выше, чем большей необычностью она обладает. Таковой была у восточных славян собака, «отмеченная» особыми признаками: первородная,¹⁰ родившаяся в субботу, «четыреглазая» (с пятнами под глазами), обладающая особым даром видеть и отпугивать нечистую силу, ведьму, смерть.¹¹ Подобным способом «отмеченным» был щенок-последыш. Несобственным считался тринадцатый («женский») щенок в помете (укр. *зінське щеня; гарчить, як зінське щеня; підсакує як зінське щеня; злий, як зінське щеня*),¹² которого женщина должна была год держать у себя за пазухой, и только потом он становился достаточно злым и способным защищать от

⁹ Базовыми для эксцерпции материала стали лексикографические, фразеолографические и паремиологические источники: Даль В. И.: Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955; Словарь современного русского языка. Т. 1-17. Москва – Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1948-1965; Федоров, А. И.: Фразеологический словарь русского литературного языка. Москва: Астрель: АСТ, 2008. 828 с.; Снегирев, И. М.: Русские в своих пословицах. Москва: Университетская типография, 1831. 183 с.; Мокиенко, В. М. – Никитина, Т. Г.: Большой словарь русских поговорок: более 40 000 образных выражений. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 783 с.; Словарь української мови. У 4-х тт. Упор. Б. Гринченко. Київ: Київська старина, 1907-1909; Фразеологічний словник української мови. Ред. В. М. Білоноженко і кол. Т. 1-2. Київ: Наукова думка, 1993; Франко, І.: Галицько-руські народні приповідки. Етнографічна комісія Наукового товариства імені Тараса Шевченка. Львів, 1919, XXVII, т. 3, Вип. 1 (Рабунок – Час). 194 с.; Українські приказки, прислів'я і таке інше. Уклад М. Номис. Київ: Либідь, 1993. 746 с.; Slovník spisovného jazyka českého. D. 1-8. Praha: Academia, 1989; Slovník české frazeologie a idiomatiky. D. 1-4. Praha: Leda, 2009; Čelakovský, F. L.: Mudrosloví národa slovanského ve příslovích. Praha: Lika Klub, 2000. 917 s.; Zorálek J.: Lidová rčení. Praha: Nakladatelství Československé Akademie věd, 1968. 779 s.; Flajšhans, V.: Česká přísloví. Sbirka přísloví, průpovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku. D. 1-2. Praha: Česká akademie věd císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění a Nakladatelství F. Šimáčka v Praze, 2011.

¹⁰ Особое место отводилось в традиционной народной культуре собаке-ярчуку, или собаке-первышу (собаке первого помета). Якобы от взора такой собаки не может скрыться ни одна нечисть. Но вырастить ее очень трудно, так как ведьмы всячески стараются ее извести. См. Жайворонок, В. В.: Знаки української етнокulturи. Київ: Довіра, 2006, с. 665; ср. ярчука ведьма боится (Даль, В. И.: Толковый словарь живого великорусского языка, с. d., т. 4, с. 680).

¹¹ Гура, А. В.: Собака. In Славянские древности: Этнолингвистический словарь, с. d., с. 94.

¹² Доброльожа, Г. М.: Образна парадигма фразеологізмів з компонентом «собака», с. d., с. 225.

¹³ Гура, А. В.: Собака. In Славянские древности: Этнолингвистический словарь, с. d., с. 95; Українські приказки, прислів'я і таке інше, с. d., №. 3406. Выражение известно в восточных областях Украины и на Кубани. На украинской Волини бытуют мифологические представления о том, что зінські щенята – это небольшие щенки-слепцы, рожден-

ведьмы (укр. херсон.).¹⁴ Атрибут *зінське* (*зинське*) связан с *зінки* «глаза», а само название мотивировано народными представлениями о том, будто эти животные [слепец, *Sralax typhlus*; [крот]] вместо глаз имеют только зеницы.¹⁵ В современном украинском языке выражение полностью утратило мифологический подтекст и обозначает маленького, но чрезвычайно злого человека.¹⁶ Обычных же собак часто замуровывали в основание дома, зарывали живьем под порог, принося их таким образом «в жертву» вместо человека, чтобы в дом не вошло никакое зло, а в некоторых западных областях Украины с этой целью окропляли стены собачьей кровью (в чешской лечебной магии – кровью черной собаки, смешанной с уксусом, – для отгона нечистой силы).¹⁷

Голосовая составляющая – одна из самых заметных в образе собаки. С особыми звуковыми сигналами (ее способностью *лаять*, (*гавкать*, *брехать*), *выть* и *скулить*) символически связывались особенности ее поведения, разнонаправленных телодвижений, а также место происходящего действия. Особое значение приписывалось собачьему вою, считавшемуся предвестником трагических событий (мора, войны, голода, болезни, смерти, разорения, пожара, кражи, нищеты и т. п.). Если собака воет мордой вверх – к пожару, если мордой вниз – к покойнику. Считалось, что собака может предчувствовать и собственную смерть – тогда она, тоскуя, воет лежа. Собака воет у дома (под окном) – знак близкой смерти (ср. рус. *Собачий вой – на вечный покой*). В какую сторону смотрит – там и будет покойник. Пес воет, раскачиваясь со стороны в сторону – жди целую вереницу несчастий. Вой (лай) собаки предсказывал смерть в семье (рус. *брехать как на мертвого*; *воет как по покойнику*, укр. *вие як до покійника*; *вие як на небіжчика*). Связь вытья собаки со смертью проступает и в пожеланиях скорой смерти (проклятьях): чеш. *Ať ti psi hudlí!* О человеке, прожившем недостойную жизнь, оставившем после себя недобрую память, а также о не имеющем семьи и не оставившем после себя потомства, украинцы скажут: *І собака за ним не гавкне; І собака по нім не затрубит (не завис)*, чехи – *Po nět ani pes nezavuje; Ani pes po nět nezaštěkne*. Однако было в собачьем вое и полезное для человека: так собака предупреждала хозяина о грядущих бедах и несчастьях, о приближении нечистой силы. У белорусов есть быличка о собаке, которая, увидев нечистую силу, будит хозяина в момент, когда к нему приближается черт.¹⁸

Собаки, как известно, очень чувствительны к перемене атмосферного давления. Они были для наших предков синоптиками, предсказывающими погоду: *Собака лежит, прикрыв лапой нос или свернувшись калачиком – к непогоде. Собака спит, растянувшись – к теплу. Собаки зимой играют в снегу – к метели. Если катаются в траве или едят траву – к дождю. Собака катается по двору – к сильному ветру. В какую сторону обращена голова собаки, оттуда и будет ветер*.¹⁹ Украинцы считали, что перед переменной погоды поведение собаки отличается

ные от женщины за большие ее грехи. Щенки эти крайне злы и к тому же ядовиты. Считалось, что тот, кого укусит слепец, непременно умрет (Добролюба, Г. М.: Образна парадигма фразеологізмів з компонентом «собака», с. d., с. 226; Булашев, Г. О.: Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях: Космогонічні українські народні погляди та вірування. Київ: Довіра, 1993, с. 344).

¹⁴ В украинской традиционной культуре такого щенка вынашивала ворожка-знахарка: Перша – збудь вік Пріська Чирячка, змолоду не раз сиділа у куні, поводи́ла на той світ аж трьох мужиків і усю худобу поперево́дила на зілля, та корінці, та на усякі ліки, та й лічить людей чи від лихоманки, чи від гризів і від заушниць, бо вона змолоду давила зінське шеня; зніма остуду, перепо́лох ви́лива, злизує від уроків, соняшниць заварює... (Квітка-Оснoв'яненко, Г. Ф.: Зібрання творів у 7 томах. Т. 3. Київ: Наукова думка, 1981, с. 264.)

¹⁵ Етимологічний словник української мови. У 7 тт. Т. 2. Київ: Наукова думка, 1985, с. 264.

¹⁶ В восточноукраинских говорах, в частности, на Старобельщине, бытует выражение скажений як зінське шеня «никчемный, но ненавистный и злой человек». Ср. Коробченко, М. А. – Загороднюк, І. В.: Назви сліпаків (*Sralacidae*) фауни України: наукові й українські. In Проблеми вивчення й охорони тваринного світу у природних і антропогенних екосистемах. Чернівці: ДрукАрт, 2010, с. 234).

¹⁷ Бузин, В. С.: Идиоматика и обряд: обычай «гонять собак» на Тамбовщине. In Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки, 2015, № 2 (142), с. 148; Матеріяли до українсько-руської етнології. Львів, 1909, т. 11, с. 138-139; Tomiček, D.: *Věra, rozum a zkušenost v lidovém lékařství pozdněstředověkých Čech*. Disertační práce. Praha, 2008.

¹⁸ Коваль, В. И.: Мифологические верования восточных славян. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2016, с. 217.

¹⁹ В чешских праностиках нам не удалось обнаружить собаку (пса) в роли предсказателя погоды (Vašků, Z.: *Velký pranostikon*. Praha: Academia, 2001. 370 s.).

от обычного: *Собака качается по снігу – скоро почнется завірюха; Собака лягає на сніг – на відлігу; Собака сідає на задні лапи і ніби «повзе» – будуть опади.*²⁰

В традиционной народной культуре собаке приписывался дар предвидения будущего. Речь, скорее всего, идет об особом собачьем нюхе (рус. *иметь собачий нюх*, укр. *мати псячий (собачий) нюх*, чеш. *mít psí čich* «о человеке, имеющем способность интуитивно угадывать или подмечать что-то неочевидное»). Считалось, что собака способна предчувствовать будущие события и своим поведением «сообщать» об этом человеку: *Собака жметя к хозяину – к несчастью. Собака мало ест, много спит – к несчастью. Собака не доедает крох после большого – он скоро умрет. Если девушку укусит собака – значит, скоро выйдет замуж.*

Особое место принадлежало собаке в отгонной и лечебной магии. Именно она оказывалась объектом, на который «переносили» сглаз, порчу, болезни в надежде на то, что собака разнесет все это по полям, лесам, буеракам. Для отвращения от «лихого глаза» и порчи собаку часто «использовали» вместе с кошкой: зап.-укр. *На пса уроки – на kota помисли* (ср. пол. *Na psa уроки, na kota suchoty*). Собака представлена и в отгонных языковых формулах, где она олицетворяет смерть: рус. *Бежала собака через мост, пестра шкура, пестрый хвост, сюда верть, туда верть: уходи, сглаз, идет смерть!*, укр. *Біг собака через міст, ряба шкура, рябий хвіст, сюди круть, туди верть: втікайте, вроки, бо йде смерть!*²¹ Яйцами выкатывали испуг и давали выпить собаке, чтобы она это все «выбрехала». Украинцы считали, что испуг, вызванный укусом собаки, собака должна «принять на себя», взять обратно: *Собака вкусила – хай собака і забере, Вишінтую ляк на собак, уроки на сороки.*²² Чехи в качестве защиты от болезней и нечистой силы кропили стены кровью черной собаки или с помощью собаки «смывали» болезнь: когда ребенок плакал всю ночь, брали сухую корку хлеба, смачивали в воде и отдавали собаке: «... *a bude dobře spáti... že by pes schnutí, a dítě polepšiti*» (ребенок будет хорошо спать, пусть пес высохнет, а ребенок поправится),²³ ср. также выражение *dostat z leknutí psotník* (букв. получить от испуга собачью болезнь, где *psotník* – tetania infantum, božec).²⁴ «Смывали» у восточных славян и рахит, вылив воду на щенка, которого потом выгоняли – он должен был «унести болезнь», разметать по местам «чужого» пространства. Болезнь также «состригали» с волосами, ногтями, которые запекали в хлеб и отдавали собаке. «Собачью старость» (рахит) лечили таким способом: больного ребенка и белую собачку-однолетку со связанными лапками клали в натопленную печь и парили вместе, при этом приговаривали: *Переpekла младенца (такого-то), вытекла из него собачью старость. На собачью старость дую и плюю, а младенца (такого-то) целую.* Верили, что так недуг перейдет на животное. В ночь собачку вместе с болезнью топили в реке, чтобы болезнь не вернулась.²⁵

В народной медицине общепризнанными считались особые регенерирующие свойства собачьей слюны: считалось, что на языке у собаки – лекарства от 12 недугов (ср. рус. *зализывать раны, заживет (зарастет, засохнет) как на собаке*), укр. *заживе як на собаці*, чеш. *uzdraví se jako pes*).²⁶ Мелкие порезы, ссадины, язвы и даже кожные инфекции лечили собачьей слюной – большое место намазывали сметаной, а собака слизывала. При радикулите, ревматизме, артрите использовали собачью шерсть – из нее изготавливали пояса. Если кого укусила собака, с виновницы состригали клочок шерсти, сжигали и этим пеплом посыпали рану. Собачьей кровью лечили укусы змей. При лечении нервных болезней использовали исключительно черную собаку.

²⁰ Лепеха, Т.: Українознавство: Навчальний посібник. Київ: Просвіта, 2005. 376 с.

²¹ Франко, І.: Галицько-руські народні приповідки, с. d., с. 15.

²² Гунчик, І.: Український магично-сакральний фольклор. Структура тексту та особливості функціонування. Львів: ЛНУ імені Івана Франка, 2011, с. 110.

²³ Tomiček, D.: *Víra, rozum a zkušenost v lidovém lékařství pozdněstředověkých Čech*, с. d., с. 69.

²⁴ Raclavská, J. – Vilímek, V.: *Pes v české lidové frazeologii – rekonstrukce jazykového obrazu světa*. In Zoomorfni tematika v lidové tradici. 1. vyd. Uherské Hradiště: Slovákcké muzeum v Uhreském Hradišti, 2013, с. 324-328. Заметим, что в чешском языке слово *psotník* изначально обозначало любую неприятную вещь, и только позже стало наименованием детского испуга, ср. Klímková-Rychnová, D.: *Kulturní zázemí epiteta "Tataré-Psohlavci"*. *Český lid*, roč. 55, 1968, с. 109-120.

²⁵ Чернова, Н.: «Собачьи сказки». Собаки в народной медицине. <http://okdzks.com/page.php?id=203> [09.06.2020]

²⁶ Позже в слюне собаки ученые действительно обнаружили ценнейшее антибактериальное вещество лизорцин.

Внешний вид болезненных проявлений, похожих на собачьи органы, мотивировал ряд названий болезней, которые в изучаемых (шире – славянских) языках оказались производными от праславянского **ръсь* (рус. названия ячменя *песец, песьяк, песец-ячмень, собачий сосок, собачья стряска, сучья петля* и др., название детского рахита *собачья старость*, укр. *песий ячмень, песий сосок*, а также название гнойного воспаления потовых желез *суче вим'я*, в чешских заговорах словами с этим корнем назывались болезнь *psotnik, zast. a. nář. psotnice, psina* и т. д.).²⁷ Особая роль отводилась собаке в лечении ячменя. Бытовало убеждение, что ячмень вскакивает вследствие непрямого контакта с собакой (рус. *Песий ячмень от собак бывает*): если кто видел «собачью свадьбу», как оправляется или отряхивается собака, а также у того, кто переступил через собачьи следы. Считалось, что для предотвращения болезни надо произнести заговорную формулу: «Как увидишь, она оправляется, три слова только и сказать: *ТЬфу – тьфу – тьфу, сси – сери, пес, на свой перст, сси – сери на свои шары*» (арханг.), а для избавления от ячменя «подобное лечить подобным», с помощью симпатической магии: приложить к глазу горячей хлеб (или хлеб, пропитанный собачьей мочой) и бросить его собаке либо съесть хлеб, которой она полизала: *Ячмень (песик) прижигать через левый кулак, наотмашку, значит, собакам бросать* (ср.-урал.); *Скочил песьяк, дак собачьей мочой надо корочку промочить и к глазу прижать – да и собаке бросить* (волог.) и сказать: *Возьми свой хлеб*,²⁸ укр. *Як пес цю корочку зжере, так і з ока ячмін зійде; Як собака з'їсть цей хліб, так і я не пізнаю бід. Піде хліб, піде ячмін*. Любопытно, что в чешских заговорах от ячменя образ собаки-лекаря не представлен,²⁹ не прослеживается «собачья» мотивация и в наименованиях этой болезни (ср. *ječné zrno*).³⁰

Способность видеть будущее, приписываемую собаке в традиционной народной культуре, славяне широко использовали в гаданиях, во время которых был необходим контакт с потусторонними силами, посредничество духов умерших, которых «прикливали» как чертовщину. Во многих славянских традициях гадания осмыслялись как дело нечистое и опасное.³¹ Особое место в матримонидальных гаданиях, совершаемых молодежью (чаще – девушками), отводилось собаке. В них четко проступает связь ритуального действия с представлениями об отрезках магического или пограничного времени, которые считались наиболее опасными, т. к. в такие периоды была открыта граница между «тем» и «этим» светом. В народных представлениях дом (реже и двор) был отнесен к «своему» пространству, однако же и в этом освоенном, обжитом человеком локусе выделялись нечистые места, через которые происходило общение с внешним миром (окно, дверь, печная труба, ворота) или которые были связаны с границей, рубежом между освоенным и неосвоенным пространством (ограда двора, угол дома).³²

В святочных гаданиях роль контактера-медиума отводилась собаке. Гадали по ее поведению и лаю. В гаданиях «по поведению собаки» особое значение имел хлеб и специально приготовленные изделия из него (булочки, блины, вареники, коржи и т. п.), которые девушки, предварительно помотив, раскладывали в доме и пускали в него собаку: чей хлеб собака схватила первым, та первой и выйдет замуж. В случае, если собака только надкусывала хлеб или уносила его в угол, гадание предвещало девичество или замужество далеко от дома, если несла хлеб к двери

²⁷ Вельмезова, Е. В.: Чешские заговоры: исследования и тексты. Москва: Индрик 2007, с. 24; Bozděchová, I.: Morbus professionalis (K motivovanosti českých názvů nemocí). In Naše řeč, roč. 89, 2006, č. 3, s. 113-122.

²⁸ Гура, А. В.: Собака. In Славянские древности: Этнолингвистический словарь, с. д., с. 548; Березович, Е. Л.: Язык и традиционная культура. Москва: Индрик 2007, с. 505-506; Зеленин, Д. К.: Восточнославянская этнография. Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991, с. 286.

²⁹ Вельмезова, Е. В.: Чешские заговоры: исследования и тексты, с. д., с. 277.

³⁰ Bozděchová, I.: Morbus professionalis (K motivovanosti českých názvů nemocí), с. д., s. 116.

³¹ Для угадывания будущего, по народным верованиям, необходимо посредничество духов, нечистой силы, умерших, ср. Виноградова, Л. Н.: Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. Москва: Индрик, 2000, с. 329.

³² Валенцова, М. М.: Чистый. In Славянские древности. Этнолингвистический словарь, с. д., с. 549. На Житомирщине (Украина) считалось, что если собака потерялась, надо было позвать ее, прокричав ее имя в печную трубу, и она найдется: *Як собака заблудить, то треба три рази в комин кликнути, як його називають, і він прийде*, ср. Гура, А. В.: Символика животных в славянской народной традиции, с. д., с. 110.

– следовало ждать свадьбы. В гаданиях «по собачьему лаю» главным и обязательным условием был выход девушек за пределы дома (жилого пространства) и контакт с границей «своего» и «не своего» мира: следовало подойти к воротам и стучать по ним ложками (у восточных славян); ударять двумя нематыми (на Закарпатье – связанными) ложками по углам (углу) дома (у украинцев и поляков), трясти забор (у чехов и словаков): *Třes se, plote, třes, kde jest můj milý, ať se ozve pes!*;³³ *Trasem, trasem les! Kde šteká pes – tam můj osudenec dnes*;³⁴ *Дівчина йшла калатати на всі штири роги хати: з котрого вугла загавкає пес, з того придуть старости*.³⁵ Здесь одним из элементов ритуала был факт «призывания» собаки как предсказателя судьбы: *Залай-ко, собачка, на суженой сторонке! Залай, залай, собаченька, дознай, дознай суженого!* Загадывая, с какой стороны ждать жениха, девушки приговаривали: *Полю-полю белый снег на собачий след. Где собачка взлетает, там мой суженый живет! Полю-полю беленький снежок, где собачка вякнет – там мой женишок*.³⁶ Подобные формулы засвидетельствованы и в культуре закарпатских русинов: *Бреш, псичку, бреш, де мой фраїр ест!*,³⁷ и у чехов: *Štěkej, štěkej, pes, kde můj milej dnes!*³⁸ За определенными звуками, издаваемыми собакой, в народной культуре закрепились символические значения, общие для многих культурных традиций. В собачьем лае человек различал множество «оттенков» и символических «подсказок»: если собака лаяла звонко – жених будет молодой, грубо и хрипло – старый, но если собака завоет – замужество будет недолгим и молодая жена скоро овдовеет.

Особое место в славянской народной культуре (хотя и различное у разных народов по вербальному наполнению) занимала песья (матерная) брань. Матерная брань, согласно целому комплексу представлений, отраженных как в литературных текстах, так и в языковых фактах, – это «песья брань», так сказать, «язык» псов (лаянье ассоциировалось с ругательством по звуковому сходству).³⁹ В изучаемых в этой статье языках обнаруживаем множество «собачьих» инвектив, отсылающих к семантике нечистоты собаки (пса) и его «родственников»: рус. *песий род, песья порода, песье отродье, песья лодыга, сукин сын*, укр. *песький син, песьїй син, сучий син, собака шкура, собака душа, собачий син, собаче лайно (зівно), собачник, песьголова, скажений собака*, чеш. *psí chlap, psí syn, čubčí syn (z čubky syn), čert psovítý, psota člověk, psina, Ty potvorný pse!* И в русском, и в украинском, и в чешском языках ругательством выступает уже само наименование животного *собака (pes)* перен. прост. бран. «негодяй, презренный человек; употр. также вместо ругательств *сукин сын, черт* и т. п.), а также название особи женского пола (рус. *сука*, укр. *сучка*, чеш. *čubka* (ст.-чеш. *psicě*) как матери адресата «собачьих» инвектив), имеющее многочисленные реализации на специфическом национально-культурном поле «песьей» брани, к примеру, старое чешское бранное выражение о женщине легкого поведения *pětipeská psice* (пятипесовая сука) с примером у В. Флайшганса «že by oni jeho ženě pětipeských psic nadávali».⁴⁰

³³ Jedlan, J.: Jak zkoušejí dívky své vdavky na Sfruhařovsku. In *Český lid*, 1903, roč. 12, s. 165.

³⁴ Horváthová, E.: *Rok vo zvykoch nášho ľudu*. Bratislava 1986, s. 30.

³⁵ Серебрякова, О.: Локальні особливості ворожінь за участю собаки та kota на Покутті. [In](#) Народознавчі зошити, 2016, № 2 (128), с. 402.

³⁶ Виноградова, Л. Н.: Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян, с. d., с. 346.

³⁷ Серебрякова, О.: Локальні особливості ворожінь за участю собаки та kota на Покутті, с. d., с. 318.

³⁸ Večerková, E.: *Obyčje a slavnosti v české lidové kultuře*. Praha: Vyšehrad, 2015. 510 s.

³⁹ Заметим, что во всех изучаемых в этой статье языках глаголы, обозначающие основные звуковые сигналы, издаваемые собакой, имеют, кроме этимологического, значение «бранить»: лаять – др.-рус. лаяти «бранить, наветовать, клеветать, хулить», ср. укр. лаяти кого «бранить», лаятися «браниться» (Фасмер, М.: *Этимологический словарь русского языка*. В 4 тт. Москва: Прогресс, 1986-1987, т. 2, с. 468-469; *Етимологічний словник української мови*, у 7 тт. Т. 3. Київ: Наукова думка, 1989, с. 204), старочешское *láti* «ругаться, ругать, бранить, оскорблять» (Gebauer, J.: *Staročeský slovník*. Praha: Academia, 1970. D. II (K-N), с. 209; Machek, V.: *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha: Československá akademie věd, 1968, с. 324), *štěkati (štěkat se «ругаться»)* (Holub, J. – Lyer, S.: *Stručný etymologický slovník jazyka českého: se zvláštním zřetelom k slovům kulturním a cizím*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1982, с. 282; Holub, J. – Kopečný, F.: *Etymologický slovník jazyka českého*. V Praze: Státní nakladatelství učebnic, 1952, с. 375).

⁴⁰ Flajšhans, V.: *Česká přísloví. Sbirka přísloví, průpovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku*, с. d., s. 312.

Семантика «ругаться, браниться», так сказать, по-собачьему, явно проступает и в лексемах рус. *собачить(ся)* «ругаться, браниться непристойными словами», *пснуть (псовать), собачить*,⁴¹ укр. *псякувати, псячити*, ср. негодный человек и матерщинник – *псяюха*, чеш. *vypeskovat, sepsout*. Кроме того, укр. *псувати* означает как «бранить», так и «портить»,⁴² ср. белор. *псуваць* «портить, вредить, губить; повредить чести и имени стороннего»; между тем в русском языке *собачить* сохраняет значение «бранить, ругать, материть», семантика «портить» отмечена только в словаре В. Даля: *собачить* «портить что-либо из шалости»,⁴³ в чешском языке *psouti* означает и «лаять», и «бранить» и «портить».⁴⁴ В украинском языке обнаруживаем *Вибрав му пса* с семантикой «выругал, выбранил».⁴⁵ У русских на Новгородщине *собака* – «человек, склонный и любящий браниться», в пермских говорах засвидетельствовано выражение *собаку съест* в значении «сильно выбранить, выругать», *держатъ собаку во рту* – «сквернословить», на Смоленщине *со рта собаки скачут* – «о бранчивом человеке», а *отсобачить* – «накинуться с руганью, выбранить»,⁴⁶ в чешских силезских диалектах *vypeskovat* – «выругать, выбранить»,⁴⁷ в старочешском языке *sepsout* – «жестко отругать, выбранить».⁴⁸

Во многих устойчивых выражениях русского, украинского и чешского языков четко прослеживаются «собачьи» формулы со следами злопожелания как отсылания в «нечеловеческий», «чужой» локус с намерением вывести негодного человека за пределы «своего», «человеческого» пространства: рус. *Ну тебя (его, их) к собакам! Иди к псам! Иди к собакам! Иди к чертям собачьим!* (ср. омск. *Где его пес таскает? = Где его черт носит?*),⁴⁹ укр. *Щоб ти ходив песьми дорогами! Бодай ти на песьї дороги зійшов! Пся би ти дорога була! Иди к собачій матері!* чеш. *Jdi ke všem psům! Ať se octneš, kde při vyjí!*, злопожелания смерти: чеш. *Vodejž ti psi hudlí!*, злого пожелания присоединиться к собаке как представителю нечеловеческого мира: рус. *Ну и пес с ним (тобой)!*, укр. *Ну і пес з тобою (ним, тим)!* либо превратиться в пса: чеш. *Bodajť opršel!*⁵⁰ Представления о собаке как носителе особого знания отражены в рус. *Пес его знает!* укр. *Пес його зна!* чеш. *To ani pes neví.*

Обнаружены нами немногочисленные, но любопытные фразеологизмы, связанные с представлениями о собаке как «нечистом» животном. С верой в способность черта вселяться в собаку связано украинское выражение *біжить як скажений собака; боятися як скаженого собаки*. На Житомирщине считалось: если человек несетя *как бешеная собака*, нужно увернуться от него в правую сторону, поскольку собака правым глазом не видит, ей его Бог закрыл, а в левом глазу у нее черт сидит. Этим глазом собака видит и слева может укусить.⁵¹ В западноукраинских лемковских говорах засвидетельствовано выражение *до псьої години* «до лихої години», обнаруживающее корреляции пса с лихом. *Лихо* в традиционных народных верованиях – злой дух, который вместе с *бедой* ходит между людьми и подстерегает их на каждом шагу. Такая персонификация напасти проступает и в выражении *лиха (чорна) година* «недоброе время, несущее беду, горе, несчастье».⁵²

Вполне вероятно, что мифологические корни обнаруживает и пресловутая фразеологическая загадка *вот где собака зарыта*.⁵³ Если принять, что *собака зарыта* – калька с нем. *da liegt der*

⁴¹ Даль, В. И.: Толковый словарь живого великорусского языка, с. д., т. 4, с. 252.

⁴² Словарь української мови, с. д., т. III, с. 96.

⁴³ Даль, В. И.: Толковый словарь живого великорусского языка, с. д., т. 4, с. 253.

⁴⁴ Slovník spisovného jazyka českého, с. д., d. IV, s. 687-688.

⁴⁵ Словарь української мови, с. д., т. III, с. 147.

⁴⁶ Леонтьева, Т. В.: Идиома собаку съест: семантико-мотивационная реконструкция, с. д., с. 17.

⁴⁷ Vyhřídál, J.: Vlastenecké vzpomínky slezské. Nákladem dědictví sv. Cyrilla a Metoděje v Brně, 1935, s. 14.

⁴⁸ Nedvěďová, M. a kol.: Slovo psohlavec v starší české slovní zásobě. Naše řeč, 1977, roč. 60, s. 79.

⁴⁹ Леонтьева, Т. В.: Идиома собаку съест: семантико-мотивационная реконструкция, с. д., с. 22.

⁵⁰ И. Немец приводит это выражение с комментарием «чтоб ты превратился в пса» (Němec, I.: Slova a dějiny. Praha: Academia, 1980, с. 193).

⁵¹ Гунчик, І.: Український магично-сакральний фольклор. Структура тексту та особливості функціонування, с. д., с. 109.

⁵² Жайворонок, В. В.: Знаки української етнокультури, с. д., с. 336.

⁵³ См. подр. Вальтер, Х.: Где зарыта фразеологическая собака? In Słowo. Tekst. Czas XI. Frazeologia słowianska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturologicznym i frazeologicznym. Pod redakcją Mirosławy Hordy, Tomasza Szutkowskiego, Walerego Mokijenki i Harrego Waltera. Szczecin-Greifswald, 2012, s. 117-123.

Hund bergaben! «там лежит собака» (ср. укр. *ось де собака заритий*, чеш. *v tom je zakopaný pes*), то, по одной из версий, приводимой Х. Вальтером, выражение связано с представлениями о том, что если вместе с кладом зарыть черного кобеля, олицетворяющего нечистую силу, то клад этот никто не найдет. Термином *собака* или *пес* кладоискатели называли сам клад, избегая упоминания о нем напрямую, опасаясь то ли глаза, то ли конкурентов: грабители древностей использовали для этого выражение *черный пес*, подразумевая под ним черта, а само слово *собака* (*пес*) означало «клад». Поэтому если немецкие искатели сокровищ вдруг восклицали «Вот где собака зарыта!», то имели в виду «вот где зарыт клад».⁵⁴ Связь собаки с кладом прослеживается и в толковании происхождения фразеологизма *v tom je zakopaný pes* чешским исследователем Й. Покорным. Дьявол, искушая людей зарытым в землю золотом, чтобы заполучить их души, сторожил сокровища не сам, но оставлял вместо себя помощника, чаще – черного пса с горящими глазами, который был безошибочным знаком того, что рядом с ним закопан клад. Крестьянин, однажды нашедший зарытые в землю сокровища, тайно перепрыгал их на своем подворье, однако людская молва быстро донесла об этом его господину, который силой заставил указать место, где находится клад. А поскольку золото как инструмент ада, черт и его «собачий» помощник воспринимались в средневековье как одно и то же, а имя дьявола не рекомендовалось произносить вслух, крестьянин указал на место, где был спрятан клад: *Tady je zakopaný pes!* – вот где спрятан клад, вот эта тайна, вот суть проблемы.⁵⁵

Небезынтересным оказывается и происхождение выражения *собаку съел*, также имеющее множество этимологических версий.⁵⁶ Одна из них принадлежит В. М. Мокиенко. По его мнению, в основе выражения лежит древнее мифологическое представление о том, что черт может оборачиваться в собаку или волка. Черт же, как известно, является воплощением холодного разума, рассудочности. Съесть его означало приобрести сверхъестественные способности, стать всеведущим.⁵⁷ Народные представления о связи собаки с потусторонним миром позволяют предполагать, что собаке приписывается обладание особым знанием, что сближает ее с бесом, чертом (ср. пск. *беса съестъ* «приобрести опыт») и объясняет функционирование лексемы *собака* в составе выражения, называющего человека опытного, сведущего. Выражение *собаку съестъ* обозначает «такую полноту знания (или настолько совершенное умение), которое может быть достигнуто с помощью магии».⁵⁸ Мифологическая версия, по мнению Т. В. Леонтьевой, привлекательна тем, что «семантическая рамка демонизма связывает оба компонента идиомы *собаку съестъ*: и образ мистического поедания для чудесного уподобления, и образ собаки, обладающей в народном сознании связью с потусторонним миром».⁵⁹ А вот еще одна загадка «съеденной» собаки: в чешском языке выражение *psa snědl* обозначает ненасытного обжору («žrout nepasucený»),⁶⁰ в то время как в русском и украинском языке в выражениях рус. *собаку съел*, укр. *собаку з'їв* – «о том, кто является знатоком чего-либо, имеет богатый опыт в чем-либо» семантика обжорства не прослеживается.

Христианская интерпретация собаки как нечистого животного оказывается концептуально иной: если в традиционной народной культуре собака связывается с чужим странством, не просто чужим, а нечеловеческим, то в христианской традиции она противопоставляется святыне и связывается с чужим человеком и чужой верой. В Новом Завете со-

⁵⁴ Вальтер, Х.: Где зарыта фразеологическая собака? с. d., с. 121.; Федоров, А. И.: Фразеологический словарь русского литературного языка, с. d., с. 638.

⁵⁵ Pokorný, J.: *Zakopaný pes aneb o tom, jak, proč a kde vznikla některá slova, jména, rčení, úsloví, pořekadla a přísloví*. Praha: Albatros, 1976, s. 18.

⁵⁶ Бирих, А. К. – Мокиенко, В. М. – Степанова, Л. И.: Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Москва: Астрель, 2005, с. 649; Леонтьева, Т. В.: Идиома *собаку съестъ*: семантико-мотивационная реконструкция, с. d., с. 17-25.

⁵⁷ Мокиенко, В. М.: *Правильно ли мы говорим по-русски?* Москва: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2016, с. 236.

⁵⁸ Леонтьева, Т. В.: Идиома *собаку съестъ*: семантико-мотивационная реконструкция, с. d., с. 22; Евдокимычева, М. А.: Обыденные представления в картине мира русской культуры: изучение на языковом материале. In *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 2007, № 31, с. 58.

⁵⁹ Леонтьева, Т. В.: Идиома *собаку съестъ*: семантико-мотивационная реконструкция, с. d., с. 23.

⁶⁰ Čelakovský, F. L.: *Mudrosloví národa slovanského ve příslovích*, с. d., s. 706.

бака объявляется нечистым животным, становится воплощением «плотских чувствований»⁶¹ и символическим обозначением «нечестивых людей» и «язычников». ⁶² *Песья вера, собачья вера* противопоставляется «крещеной», т. е. христианской вере и означает безверие или вообще отклонение от правильной (христианской) веры, отсюда у русских и вообще славян слова *пес* или *собака* в значении иноверца (ср. рус. *собака татарин*), что подтверждают многочисленные «собачьи» эпитеты в отношении иноверца и еретика в чешских литературных текстах Средневековья: *je to viera psi, d'ábelská; tomu psohlavci Turkovi, pohani, neznabohovi; psi kacíři*,⁶³ ср. также украинское самопроклятие: *Сучий син буду і турецький син буду!*⁶⁴ или фразу из известного «Письма запорожцев турецкому султану»: *Ти, султан, чорт турецький, і проклятого чорта брат і товариш, самого ... Не будеш, сучий ти сину, синів християнських під собою мати ...*⁶⁵ Выражение *песья вера* закрепляется в русском, украинском и чешском, как и во многих других славянских языках, в качестве бранного выражения: рус. *песья вера, собачья вера*,⁶⁶ укр. *пся віра, псявіра, собача віра*,⁶⁷ *Лях, жид і собака – все віра однака; Що жид – то пес*,⁶⁸ чеш. *psi víra*,⁶⁹ *psína tatarina, Turek pes; Turek a pes, jedno jest; Turčiska psiska, Tataré psohlavci, kacírský pes, nevěřící pes*.

В основе выражения *песья вера* лежит представление о том, что как у собаки, так и у иноверца нет души в собственном смысле этого слова: *душа* и *вера* взаимосвязаны, ведь понятие веры предполагает наличие души, и наоборот; душа собаки (животного вообще) и иноверца называется *пар* или *пара* и, соответственно, выражение *песья пара* выступает в славянских языках как ругательство, синонимичное выражению *песья вера*⁷¹ и с ним коррелирующее, ср. рус. *собачья душа*, укр. *пся пара, собача душа*, а также зафиксированное в сборнике И. Франко выражение *здох як пес* с примечанием «крім душі святої» – умер поганой смертью.⁷² По признаку отсутствия души (=веры) собаки и объединяются с иноверцами: и те, и другие лишены общения с Богом, а тем самым и с людьми, объединенными верой.⁷³ В этой связи любопытным представляется чешское выражение *raději by psem byl*, зафиксированное в словаре В. Флаjšанса с комментарием – «že by raději psem byl nežli jejích víery»:⁷⁴ «лучше бы он псом был, чем принадлежал к их вере».

По христианским предписаниям, собаке было запрещено давать еду, освященную в церкви (*Не давайте святыни псам* (Ев. от Матф. (7,6)): рус. *Не ешь собака просфир, то дар Божий – псам не казати*.⁷⁵ Нарушение поста, обязательного по средам и пятницам, оказывается одним

⁶¹ Нюстрем, Э.: Библейский словарь. Санкт-Петербург: Библия для всех, 2014, с. 320.

⁶² Библейская энциклопедия. Москва: Терра, 1991, с. 664.

⁶³ Nedvěďová, M. a kol.: Slovo psohlavec v starší české slovní zásobě, с. d., с. 81.

⁶⁴ Белова, О. В.: Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. Москва: Индрик, 2005. 288 с. Ср. рус. Чтоб я сдох! Разрази меня гром! Чтоб мне содохнуть! или укр. Нехай мене грім поб'є; Щоб мене свята земля не прийняла! и др.

⁶⁵ Сирко, И.: Переписка войска Запорожского с турецким султаном. In Библиотека литературы Древней Руси: XVII век. Т. 16. Москва: Наука, 2016, с. 556.

⁶⁶ Даль, В. И.: Толковый словарь живого великорусского языка, с. d., т. 1, с. 513.

⁶⁷ Словарь української мови, с. d., т. 1, с. 239.

⁶⁸ Франко, І.: Галицько-руські народні приповідки, с. d., с. 119.

⁶⁹ Nedvěďová, M. a kol.: Slovo psohlavec v starší české slovní zásobě, с. d., с. 79.

⁷⁰ Klímková-Rychnová, D.: Kulturní zázemí epiteta "Tataré-Psohlavci". In Český lid, 1968, roč. 55, s. 109-120; Pokorný, J.: Zakopaný pes aneb o tom, jak, proč a kde vznikla některá slova, jména, rčení, úsloví, pořekadla a přísloví, с. d., s. 18-20.

⁷¹ Ср. У татарина, что у собаки – души нет, один пар ср. Даль, В. И.: Толковый словарь живого великорусского языка, с. d., т. 3, с. 20.

⁷² Франко, І.: Галицько-руські народні приповідки, с. d., с. 200.

⁷³ Успенский, Б. А.: Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии. In Успенский, Б. А.: Избранные труды. Т. II. Язык и культура. Москва: Гнозис, 1994, с. 94; 51-52.

⁷⁴ Flajšhans, V.: Česká přísloví. Sbírká přísloví, průpovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku, с. d., s. 142.

⁷⁵ Мокленко, В. М. – Никитина, Т. Г.: Большой словарь русских поговорок, с. d., с. 840.

из признаков «песьей веры» (ср. бел. *собаціцьяца* «нарушать пост», укр. *Пес п'ятниці не знає*, текст украинской частушки: *Ой цигане, циганочку, песья твоя віра: твоя жінка у середу солонину їла*⁷⁶ или чеш. *Drží slova jako pes püst*).

С христианскими представлениями связан образ пса, лающего на Бога или на небо (ср. рус. *Собачья голоса не идут на небеса*, укр. *Песії голоса не ідуть на небеса*, чеш. *Pán Bůh psiho hlasu neslyší; Psi hlas do nebe nejde; Bůh neslyší, když pes na hvězdy laje; Psi hlas do nebe nedojde*). Христианство определило храм (церковь) как локус, в котором собаке не место. В свое время в Московской Руси даже существовал специальный «Чин на очищение церкви, егда пес вскочит в церковь или от неверных войдет кто», ибо присутствие пса оскверняет святое место: укр. *Так те там тре, як пса в церкві; Що по собаці в церкві?* чеш. *Vzácný, jako pes v kostele; Je platný, jako pes v kostele; Ježkovou palici se druhy psi z kostelů vyhánějí*⁷⁷ – подобно тому, как оскверняет ее присутствие иноверца, ведь пес и иноверец объединяются именно по признаку нечистоты. Д. К. Зеленин замечает, что подобное отношение к собаке особенно наглядно проявляется у старообрядцев Олонечкой губернии, которые «при собаке не молятся Богу»⁷⁸ – присутствие собаки как нечистого животного исключает возможность общения с Богом. Точно так же духовному лицу в принципе запрещалось держать собаку. «Собачья» тема проецируется и на моральные устои, в частности, на интимные отношения мужчины и женщины, не освященные церковью: укр. *Вона з ним пси паче* (= тайно женихается); *Пшла песьїми дорогами* «о женщине, ударившейся в блуд, разгульную жизнь», *псобачитися* «сделаться подобным собаке; развратиться»,⁷⁹ чеш. *ta si týká se psy* (букв. «она на «ты» с псами») «о бесстыдной, гуляющей женщине», а также выражение о сожительстве вне брака *žít na psi knížku*.

Особое место во фразеологии славянских языков принадлежит смерти без покаяния,⁸⁰ которая воспринимается как *собачья смерть*. По христианским представлениям, иноверцев нельзя хоронить на кладбище, но необходимо оставлять «псам на сведение»: ср. чеш. *hodit psům něčí mrtvolu*⁸¹ в значении «предать кого-либо забвению», а также *zahrabali ho jako psa*. Выражение *собачья смерть* получает при этом двойной смысл: с одной стороны, это уже упоминаемая смерть без покаяния, а с другой – смерть, предназначенная для собак и негодных, презренных людей (ср. ст.-чеш. *peský* «mrzký, podlý» (мерзкий, подлый, никчемный), *psota* «mrvavní zkaženost, nečistota» (моральная нечистоплотность), *psotiti* «chovat se zhovadile» (вести себя по-скотски), *psotně* «hanebně» (недостойно, бесстыдно, подло): *psotně a hanebně umřel* – умер недостойной смертью); рус. *Собаке собачья смерть; Жил как собака и умер как песь; Жил собакой, околел псом*, укр. *Хто жив по свинцьки, той по собачому вмирає; Жив як песь і здох як песь* (ср. также злопожелание *Розтягли би ти пси кості!*), чеш. *Psu psi smrt*. В интеракции христианских и языческих представлений о нечистоте собаки возникли выражения укр. *здохнути як собака при дорозі*, чеш. *zajít jako pes u cesty (za plotem)* (сдохнуть как собака у дороги (за забором)). В их мифологической мотивации четко проступает идея поганой смерти, наслаиваемая на дохристианские представления о границе человеческого и нечеловеческого миров, где особую роль играет семантика дороги как нечистого места, опасного для челове-

⁷⁶ Франко, І.: Галицько-руські народні приповідки, с. д., с. 119.

⁷⁷ Здесь наблюдаем своеобразное совмещение христианских представлений о нечистоте с языческими: в чешском языке *ježková palice* – народное названия дурмана, отгонного растения, которое выступает оберегом от нечистой силы.

⁷⁸ Успенский, Б. А.: Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии, с. д., с. 95.

⁷⁹ Словарь української мови. Т. 4, с. д., с. 330.

⁸⁰ Ср. выражения рус. *Чтоб тебе ни дна ни покрышки!*, укр. *Щоб тобі ні дна, ні покрішки!*, связанные с погребальными обрядами на Руси, где (как, впрочем, и в Древней Греции) предателям, святотатцам и самоубийцам отказывали в обряде погребения. Буквально оборот означает «бить похороненным без гроба», т.е. его неперемненных принадлежностей – крышки и покрова (Мокиенко, В. М.: Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное. Russistik, 1-2, 1994, с. 67).

⁸¹ Ouředník, P.: Aníž jest co nového pod sluncem. Praha: Mladá fronta, 1994, с. 152.

ка,⁸² и забора (ограды дома) как границы освоенного и неосвоенного, необжитого человеком жизненного пространства.

С христианскими представлениями о нечистоте собаки (пса) связано и чешское выражение *nasadit někomu psi hlavu*, уходящее своими корнями в средневековые предания о мифических песьеглавлцах. По убеждению исследователей этого образа в чешской культурной и языковой традиции, пес чешского средневековья был символом всего негодного, презренного, извращенного, отсюда и использование названия человека с песьей головой в многочисленных бранных выражениях⁸³ (ср. укр. бран. *песиголовці (песіголову)* – так на западной Украине называли полчища татар).⁸⁴ Возможно, такая символика пса и объясняет тот факт, что положительные его характеристики не оставили в старочешском языковом материале каких-либо явных следов. В христианстве собачья голова осознается как символическое сопровождение библейских выпадов против язычества, неверия, иноверцев и практически не представлена в чешской геральдике. Выражение *nasadit někomu psi hlavu* в значении «приписывать кому-либо злые умыслы, преувеличивать его ошибки, сваливать на него вину, очернять, оговаривать, поносить» (исходная форма – *(v)strčit na někoho psi hlavu* (проставить на чьи-либо плечи песью голову) «относиться к кому-либо враждебно, сознательно причинять кому-либо зло»)⁸⁵ связано с представлениями о человеке – не-человеке с песьей головой и выражением *psohlavec* как ругательством (именно в таком значении выражение *psohlavci vztekli!* (песьеглавлцы бешеные) оно засвидетельствовано в словаре В. Флайшганса).⁸⁶

По мнению Б. Н. Успенского, и русское название опричников *псы государевы*, и песья голова как символ опричнины объясняются ассоциацией опричников с бесами, которая имела, по-видимому, вполне сознательный характер, и соответствует ассоциации пса с антихристианским, бесовским. Образ собаки амбивалентен, он связывается как с собачьей преданностью, так и с собачьей враждой, злобой, и именно эта двойственность обыгрывается в символике опричнины – преданность царю сочетается у опричников с враждебностью к земщине, по отношению к которой опричники являются в функции бесов.⁸⁷

Языковой образ собаки как нечистого животного, отраженный в вербальной магии трех славянских языков, в их лексике, фразеологии и паремиологии представляет собой культурно окрашенный взгляд на мир, который «зашифрован» для носителя языка и реконструируется только методом глубокой интроспекции. Изученный материал позволяет утверждать, что в традиционной народной культуре и христианстве образ собаки (пса) обнаруживает общую концептуальную доминанту *песий – чужой*, но с различным ее наполнением: в язычестве собака – представитель чужого как нечеловеческого, нездешнего мира, враждебного и опасного человеку, в христианстве образ «нечистой» собаки соотносится с представителями чужой веры,

⁸² Валенцова, М. М.: Чистый. In Славянские древности: Этнолингвистический словарь, с. d., с. 550; См. также Архангельская, А.: Семантика дороги в фразеологии славянских языков: соотношение сакрального и профанного. In Opera Slavica, 2015, roč. XXV, č. 4, s. 3-17.

⁸³ В словаре И. Юнгманна *psohlavci* – пейоративное название татарской конницы, в XVI–XVII веках использовалось как брань, обращенная к людям, жестоко расправляющимся с христианами или тем, которые не вели себя надлежащим образом, а также ругательство в отношении турков-язычников, турецких завоевателей с Балкан и евреев. В первой половине XVII века так называла немецкая верхушка жителей деревни Ходов в районе Домажлиц, бунтарей, которые восстали против немецкого влияния и боролись за свои права и свободы. И только после XVIII века слово утрачивает оскорбительный оттенок и приобретает «уважительную» семантику «вольномыслящий, свободолюбивый, гордый бунтовщик, мятежник» благодаря их поэтизации в произведениях Алоиза Йирасека и Микулаша Алеша, создавших миф, который победил историческую реальность (Nedvěďová, M. a kol.: Slovo *psohlavec* v starší české slovní zásobě. Naše řeč, 1977, roč. 60, s. 76-82).

⁸⁴ Белова, О. В.: Представления о монстрах-полулюдях в народной традиции славян. In Миф в культуре: человек – не человек. Москва: Индрик, 2000, с. 48.

⁸⁵ Flajšhans, V.: Česká přísloví. Sbírká přísloví, průpověďí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku, с. d., s. 310.

⁸⁶ Flajšhans, V.: Česká přísloví. Sbírká přísloví, průpověďí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku, с. d., с. 313.

⁸⁷ Успенский, Б.А.: Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии, с. d., с. 121.

безверия в интеракции с морально-поведенческими ориентирами (негодным, презренным поведением, распутством и прелюбодеянием). Во многих языковых реализациях дохристианские и христианские представления о собаке тесно переплетаются, обнаруживая интеракции и факты синкретизма. Если в дохристианском образе собаки (пса) выразительно проступает его амбивалентность, ведь многие сверхъестественные способности, приписываемые собаке архаическим мышлением, воспринимались не только как полезные, но и жизненно необходимые для человека, то в христианстве этот образ приобретает однозначно отрицательную оценку, что соответствует средневековой модели пространства, разделенного на полноценных и неполноценных в религиозном отношении людей, носителей истинной веры и морали и «неверных» (собак, «недочеловеков»).

Концептуальная доминанта *песий – чужой*, определяющая образ «нечистой» собаки в традиционной народной культуре славян, обнаруживает высокую степень сходства, однако в вербальной ее реализации наблюдаются как сходства, так и различия. Особенно выразительны они в мифо-ритуальной сфере (различная интенсивность «использования» собаки в народной медицине, «учета» ее предсказательных способностей у чехов и восточных славян). Многие лексемы, идиомы, фразеологизмы и поговорки, маркированные дохристианским восприятием нечистоты собаки, обнаруживают значительную близость образов и моделей, следы межязыковых и межкультурных влияний. При этом в каждой лингвокультуре может активизироваться какой-то отдельно взятый мифологический мотив, как например, в зложелательных формулах или фразеологизмах, где с разной интенсивностью актуализуются темы вселения черта в собаку, превращения человека в пса, человеческого и нечеловеческого пространства, пограничного времени, места, апотропеических свойств растений и т. п. Иногда мифологические мотивы оказываются общими для более широкого европейского ареала, как, например, связь собаки (пса) с сокровищами (кладом), дополненные представлениями о ее сверхъестественных способностях, мудрости и всезнании. Высокую степень сходства обнаруживает и христианская интерпретация этого животного (пес – символ иноверца, безверия, нарушения моральных заповедей и норм) в интеракции с элементами языческих представлений о нечистой смерти человека за границами освоенного (чистого) пространства, выявляя во многих случаях национально-культурные особенности его образного и языкового воплощения.

Многие языковые формулы, проанализированные в этом исследовании, со временем утратили свой культурный подтекст и уже ничего не говорят современному носителю языка ни о «собачьей» магии, ни о «собачьей» нечистоте. Однако лингвокультурологический угол зрения дает возможность воссоздать достаточно объемный и многогранный языковой образ собаки в традиционной культуре русских, украинцев и чехов как представителей восточной и западной ветвей славянства. Собранные воедино фрагменты этого портрета могут дополнить материалы этнокультурологических и мифологических словарей, посвященных собаке в славянской культурной традиции и языке.

рус. – русское	зап.-укр. – западноукраинское
укр. – украинское	витеб. – витебское
чеш. – чешское	арханг. – архангельское
белор. – белорусское	ср.-урал. – среднеуральское
вят. – вятское	волог. – вологодское
груз. – грузинское	ст.-чеш. – старочешское
польск. – польское	пск. – псковское
костр. – костромское	новг. – новгородское
орл. – орловское	херс. – херсонское